

Мир науки. Социология, филология, культурология <https://sfk-mn.ru>

World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies

2018, №4, Том 9 / 2018, No 4, Vol 9 <https://sfk-mn.ru/issue-4-2018.html>

URL статьи: <https://sfk-mn.ru/PDF/15FLSK418.pdf>

Ссылка для цитирования этой статьи:

Жаманкозова А.Т. Феномен внутренней речи в казахской исторической повести // Мир науки. Социология, филология, культурология, 2018 №4, <https://sfk-mn.ru/PDF/15FLSK418.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.

For citation:

Zhamankozova A.T. (2018). Phenomenon of the internal speech in the Kazakh historical story. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*, [online] 4(9). Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/15FLSK418.pdf> (in Russian)

УДК 80

Жаманкозова Арилана Тулендиевна

Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Республика Казахстан, Астана

Кандидат филологических наук, доцент

E-mail: arilana70@mail.ru

Феномен внутренней речи в казахской исторической повести

Аннотация. В статье рассматривается феномен внутренней речи как средство создания образа персонажа в исторических повестях Абиша Кекильбаева и Марала Скакбаева. Обосновывается идея о том, что во внутренней речи доминирующим становится преобладание смысла слова над его значением. Автор исследует полифонию голосов, внутреннюю тему произведения, психологическое состояние персонажа, множественность точек зрения, преломление общечеловеческих проблем в сознании героя. Исследование поэтического видения мира сквозь призму сознания персонажа становится ведущим средством создания художественного образа.

Ключевые слова: внутренняя речь; смысл; полифония голосов; внутренняя тема; персонаж; психологическое состояние

Введение (актуальность)

Впервые проблему внутренней речи в мировом литературоведении исследовал известный русский ученый Л.С. Выготский в своем труде «Мышление и речь» [3]. На сегодняшний день его работа по-прежнему остается актуальной и привлекает внимание как литературоведов, так и лингвистов, психологов и социологов, поскольку связь речи и мышления остается центральной в изучении художественного текста и поведения персонажей. В современном литературоведении проблема внутренней речи и ее функциональности вышла на новый уровень в связи с пристальным вниманием к внутреннему миру, переживаниям, психологическому состоянию и поведенческой мотивации персонажей произведения. Исследователи выделяют различные аспекты изучения заявленной проблемы. Так, профессор И.В. Артюшков раскрыл психологический, психолингвистический, литературоведческий и лингвистический аспекты внутренней речи, выявил закономерности и глубинную структуру [1]. Профессор Н.С. Валгина обращает внимание на фрагментарность и предикативность внутренней речи [2]. В казахском литературоведении феномен внутренней речи в исторической прозе не был объектом научного исследования. Отдельные труды исследователей раскрывали

внутреннюю речь лирического героя, «поток сознания» экзистенциальной прозы, тогда как внутренняя речь как способ познания индивидуальности и средство создания образа персонажа не была исследована.

Актуальность данной статьи продиктована необходимостью проследить способы создания образа персонажа в казахской исторической повести 60-80-х годов XX века, поведенческую мотивацию героев, анализ внутренней речи и монологов героев. Исследование внутренней речи персонажей казахской исторической прозы в системе психологического, литературоведческого и лингвистического аспектов позволяет определить особенности и структуру понятия. Казахская историческая проза, художественно воссоздавая внутреннюю речь персонажа, оттеняет характерные особенности психического состояния героя и позволяет познать смысл содержания литературного произведения.

Методы исследования. В работе использованы сравнительно-аналитический и проблемно-тематический методы исследования. Материалом исследования послужили казахские исторические повести 60-80-х годов XX века.

Результаты. Внутренняя речь, как способ изображения психологического состояния и речемыслительной деятельности персонажа, становится основным средством раскрытия внутреннего мира и мироощущения героев в исторических повестях А. Кекильбаева «Баллады забытых лет» и «Хатынгольская баллада». Персонажи характеризуются с помощью совершаемых ими поступков, форм поведения, мыслей, внутренней речи, изображения сновидений, впечатлений от окружающего мира, компактных обозначений того, что творится в душе героя, портретных и поведенческих характеристик, символики вещей. Внутренней темой этих произведений является изображение психологии человека. Писателя волнует проблема соотношения заложенных в человеке добра и зла, таких его качеств, как достоинство, честь, благородство. Одним из основных способов воплощения темы является внутренняя речь персонажа.

В повести «Баллады забытых лет» А. Кекильбаев обращается к событиям, происходившим в давние времена и сохранившимся в притчах и легендах. Автор по-новому осмысливает уроки истории, приближает события к современной жизни. Изображая героев в водовороте происходящих событий, А. Кекильбаев словно желает раскрыть не только сложившиеся обстоятельства, но и роль и значение человека, его желания и возможности. В связи с этим важным, на наш взгляд, является то, что писатель изображает не просто человека в окружении близких ему людей, но и через его поступки дает нравственную оценку происходящему. Внутренняя речь героя позволяет ввести читателя в мир мыслей персонажа, показав при этом предназначение человека на земле.

Окружающий мир и происходящие в нем события в повести А. Кекильбаева «Баллады забытых лет» воспринимаются читателем через цепь впечатлений, воспоминаний и мыслей героев. И это не случайно. Автор показывает события с различных точек зрения, носителями которых оказываются персонажи произведения. Тем самым находится в ситуации выбора близкой для него точки зрения, что является результатом его оценки. Уже первые строки повести раскрывают совмещение голосов персонажей и автора. «Нет ей конца-края раскаленной от сухого жара равнине. И не за что зацепиться взору – ни холмика, ни бугорка. Лишь на севере, у самого горизонта, темнеет в миражном мареве курган...», – так автор, находящийся рядом со своими героями, видит окружающий пейзаж их глазами [5, с. 229]. Его речь – литературная, стройная, отличная от речи пленных казахов. Далее читатель слышит голоса других персонажей: «Вот оно как туркмены справляют поминки. Ни тебе раздолья, ни шумной суеты. ... Чужой народ, нравы чужие. ... Куда ни глянешь, отрешенные лица. Мужчины не расстаются с кинжалами и саблями. Зачем они им сейчас? Или боятся, что дома украдут?» [5, с. 233]. Или: «Мучительно сидеть на остром, как нож, хребте верблюда.

Верблюжий пот растревляет раны, вызывая нестерпимый зуд» [5, с. 233]. Глазами пленных казахов показывает автор жестокость и силу туркменских папах, для их речи характерны просторечные обороты: «вот оно как», «куда ни глянь», стиль изобилует инверсиями и повторами: «не раздастся звонкий смех, не вспыхнет спор, не разразится музыка», «не до воспоминаний, не до сравнений», «чужой нрав, нравы чужие». Далее вновь слышен голос автора: «Долго ли варить мясо годовалого верблюжонка? Окутанные паром куски на плоских деревянных подносах. А вот уже и пусты подносы. Опять молитва, опять Коран» [5, с. 234]. Так в повести происходит совмещение голосов персонажей: Жонеута, музыканта и автора. Причем речь автора – это голос свидетеля событий, отраженный в форме несобственно-прямой речи.

Изображая долгую вражду казахов и туркмен, А. Кекильбаев большое внимание уделяет главному герою повести – Жонеуту, подчеркивая, что все событийные нити произведения тянутся к нему и что этот образ представлен через авторскую речь: «Пришел час назвать его имя – Жонеут. И просить читателя запомнить это имя. Ибо Жонеут пройдет пешком, промчится вскачь сквозь всю мою балладу. А когда в терзаниях испустит дух, я закончу свой сказ» [5, с. 245]. И далее: «Жонеут не мог сказать, сколько времени он пробыл у Аннадурды. Может быть, долго, а может быть, недолго. В памяти остались разрозненные подробности. Вбегает возбужденный старик, что-то сбивчиво говорит, тычет пальцем в сторону бледно-оранжевого заката. Жонеута опять поднимают под руки, ведут. ... И он идет. Бессмысленно, слепо. Почему так трудно идти, точно он в дороге неделю, месяц? Почему так плохо подчиняются ноги? Ему надо быть впереди других, а он с немощными стариками плетется в хвосте» [5, с. 260]. Так перед читателем открывается мир, отраженный в мыслях Жонеута, в сознании убитого горем человека, потерявшего последнего из трех сыновей и воспринимающего только внешние передвижения в пространстве, но совершенно не понимающего самой сути происходящих похоронных обрядов. Внутренняя речь Жонеута включает в себя повторение отдельных слов: «он идет», «трудно идти», «почему так трудно», «почему так плохо», вопросительная интонация показывает не просто страдания сломленного горем отца, а предстает как последствия бессмысленной и никчемной вражды двух соседних народов. Сознание Жонеута слагается из цепи впечатлений и воспоминаний картин похорон сына. С одной стороны, он словно не понимает, почему все вокруг бегает и суетятся и почему так тяжелы его ноги, но, с другой – Жонеут жаждет мести, и по его приказу берут в плен казаха-кюйши. В сцене игры пленного домбриста перед туркменами слышится голос музыканта: «Значит, ты совсем не такой прямой и честный, как всегда самодовольно считал себя? Ты способен кривить душой и перед собой, и перед современниками. И кто тебя обличил? Домбрист» [5, с. 275]. Для внутренней речи пленного кюйши характерны риторические вопросы, короткие фразы. Обращаясь ко всем присутствующим и к Жонеуту прежде всего, домбрист пытается через свою музыку довести до туркмен главную мысль: никто не вправе лишать жизни другого человека. Никто не дал право считать себя венцом творения и вершить суд над своим соседом.

Далее голос музыканта перебивается голосом автора: «Домбра не может лгать, не умеет. Ее откровенность рождает ответную откровенность слушателей. Домбра исходила скорбью, убеждала и рассказывала. Отвечая ее струнам, звучали струны человеческого сердца – самые потаенные, самые тонкие. Такие, о существовании которых человек не всегда догадывается. Домбра взывала, молила о чем-то. Но не унижалась, не била челом, не просила пощады и снисхождения. Даже в горе она сохраняла гордость, независимость... Все, удерживая дыхание, повернулись к Жонеуту» [5, с. 276, с. 277]. В этой сцене слышатся несколько голосов: домбриста, автора, присутствующих туркмен. Музыка вызывает в сознании персонажей разные, порой противоположные рефлексии: Жонеут оплакивает былые победы, пленный домбрист, словно суровый судья, выносит свой приговор, присутствующие туркмены думают о краткости человеческой жизни и о более высоком и достойном назначении человека на земле, нежели бессмысленное и жестокое истребление соседей. В полифонии голосов персонажей

повести «Баллады забытых лет» А. Кекильбаев раскрывает общечеловеческие ценности, которые становятся близки после игры домбриста даже издавшим виды туркменам.

Не случайно автор завершает повествование о Жонеуте, показывая его душевные страдания и последние мысли персонажа, что, по мнению доктора филологических наук, профессора А.С. Исмаковой, «более убедительно, чем последнее, априорное слово всезнающего автора» [4, с. 326]. Музыка позволяет автору раскрыть смысл короткой человеческой жизни. Человек рождается не для того, чтобы уничтожить себе подобного. Никто никому не дал право мстить или лишать жизни. Человек смертен, музыка вечна. Искусствоечно. Оно помогает осознать бренность и суетность мира человеческих страстей и пороков. Игра пленного домбриста выступает аполлоническим (Ф. Ницше) началом, просветляя издавшим виды суровых туркмен. Осознание краткости человеческой жизни и никчемность вражды, позволяет автору поднять музыку кюя над человеческим судом, сделав ее высшей и непреложной истиной в произведении. Пленный музыкант выступает сверхчеловеком, который своей игрой на домбре ведет туркмен к ступеням совершенства и разума, вселяя в них мысль о том, что каждый человек должен стремиться к высокому и благородному. В целом же анализ душевных страданий и мук, последних минут жизни Жонеута, картины видений, бредовых состояний героя помогают А. Кекильбаеву исследовать диалектически неразрывную взаимосвязь внутреннего развития персонажа с обстоятельствами, проявляющуюся в ярко направленном поступке. В образе Жонеута намечаются внутренние противоречия, столкновение морально-нравственных представлений о выборе им общественной линии поведения. Последние дни жизни Жонеута, раскрытые автором через внутреннюю речь, демонстрируют перед читателем несостоятельность устремлений героя, его моральное поражение и одиночество. Следовательно, внутренняя речь персонажа порождена мотивом, замыслом и лексико-семантическим развертыванием в тексте произведения. Психолингвистический аспект сопровождается речемыслительной деятельностью, что позволяет понять определенное содержание, смысл произведения. Внутренние монологи пленного казаха и Жонеута показывают течение внутренней жизни персонажей, оттеняя характерные особенности каждого психического состояния.

В «Хатынгольской балладе» писатель обращается к известной притче о покушении на жизнь Чингисхана и о том, как слабая женщина, тангутская ханша, сумела не только сохранить свою честь, но и отомстить хану. В повести А. Кекильбаев проникает в психологию грозного Чингисхана. Изображая последние годы его жизни, писатель акцентирует внимание преимущественно на детально воссозданной внутренней речи властителя. Уже в самом начале повести писатель детально описывает историю десяти перстней на руках Чингисхана, где за каждым – история судьбы его хозяев. Через внутреннюю речь Чингисхана А. Кекильбаев раскрывает психологию главного героя: грозный правитель, вспоминая историю каждого перстня, понимает, что две вещи остались не подвластны ему: «он не мог победить не только бесстрашную гордость ... но и ненасытную жадность» [6, с. 298].

Внутренняя речь Чингисхана создается такими художественно-образительными приемами, как психологический параллелизм, сравнение, уподобление, которые выполняют функцию самоанализа и размышления главного героя: «Да-а... Каждый из перстней имеет свою судьбу. Вот этот ярко-красный рубин, будто капля крови, оброненная в свет белым маралом, достался после набега на Бухару. ... Жена городского начальника вошла в шатер, не склонив головы. ... на ее тонком длинном пальце ярким огнем блеснул драгоценный рубин. И в тот же миг он подал страже знак. Кривые сабли блеснули за спиной женщины, и десять белых, тонких, словно корешки камыша, пальцев упали к ногам повелителя. Из больших глаз выкатились две слезы, но ... она тут же застыла, словно окаменела, упрямая и непокорна. И рубиновый перстень женщины, которая не убоилась властителя, сумевшего смять, как сухую траву, целых полмира, с тех пор по праву принадлежит ему. Старая память о несломленной женской

гордости». Пример психологического параллелизма «рубин, будто капля крови, оброненная в снег белым маралом» [6, с. 297]. Сравнение и уподобление раскрываются во фразах: «десять белых, тонких, словно корешки камыша, пальцев», «смять, как сухую траву, целых полмира». Все события последних дней жизни Чингисхана даны автором как цепь воспоминаний, душевных движений, сновидений правителя. Так, Чингисхана уже не радует холодный шелк простыней, где так часто любил он предаваться утехам с молодыми красавицами. Все чаще просыпаясь, он с беспокойством смотрит на свои пальцы, все ли они целы, так как мысли обращают его к далеким дням, где воины по его приказу отрубали тысячи пальцев дерзких рук, не желавших покориться ему. И все чаще сознание старого правителя посещают воспоминания о былых походах, о пролитой крови и жестоких завоеваниях. Вместе с тем внутренняя речь Чингисхана приобретает философское звучание, мысли его возвращаются к пониманию сути человеческой жизни и философии правления. Иногда сознание вырывает из памяти отдельные эпизоды, хаотично смешивает их, тогда мир кажется властителю полностью подчиненным его желаниям.

Автору важно не просто показать последние дни жизни грозного хана, но и раскрыть основную идею своей повести – мысль о гордости и воле человека перед жестоким тираном, о несгибаемости человеческого достоинства. Словно в преддверии этого А. Кекильбаев вводит в повесть мотивы сновидений Чингисхана: обнаженная белотелая красавица и холодный кинжал, предупреждающий о покушении. В этой связи одной из составляющих для понимания проблематики повести является внутренняя речь верного слуги правителя – охотника Кахара. Не случайно в финале повести Чингисхан видится Кахару не грозным повелителем, а маленьким сгорбленным стариком, сидящим на пышной постели. Внутренняя речь Кахара направлена на раскрытие основной темы повести «Хатынгольская баллада» – моральной победы несгибаемой гордости и чести тангутской ханши Гурбельжин, ранившей Чингисхана и нашедшей смерть в волнах реки. Отношение автора к персонажам повести прямо не выражается, внутренняя речь вычленяется из авторской повествовательной сферы, психология персонажа раскрывается опосредованно. По замечанию профессора А.С. Исмаковой: «Кекильбаеву важно было оживить не столько притчу, сколько голоса и мысли социально разных персонажей, с их разными точками зрения, с разными представлениями о человеческой жизни» [4, с. 350]. Другой ученый Е. Сидоров писал: «Психологический анализ у него (А. Кекильбаева – Ж.А.Т.) заметно опирается на достижения русской и европейской классики. Писатель прививает к древу национальной традиции черенки мирового художественного опыта и делает это с чувством меры, бережно сохраняя корневые пласты казахского национального мироощущения» [7, с. 257]. В этой связи хотелось обратить внимание на следующее. Чингисхан часто вступает в диалог с самим собой, пытаясь оправдать или объяснить цели и желания. На эту особенность внутренней речи обратил внимание Норберт Уайли в своей работе «Внутренняя речь и диалогическое Я». Он отмечает, что внутренняя речь и диалогическое Я представляют всесторонний анализ внутреннего разговора, который люди имеют с собой, чтобы думать о проблемах, прояснять цели и направлять свой путь по жизни [9]. Внутренняя речь Чингисхана служит опорой для внутреннего диалога персонажа произведения с самим собой, с тангутской ханшей, женой градоначальника. Внутренний мир грозного властителя раскрыт и сквозь призму мироощущений и внутренних монологов верного слуги Кахара, что позволяет не только погрузиться в происходящие психические процессы персонажа повести, но и проследить композиционное построение повести, в котором внутренняя речь героев играет значительную роль в развитии сюжета и используется в напряженные моменты жизни Чингисхана.

В повести М. Скакбаева «Поэт хромого Тимура», написанной в 1980 году, повествование касается одного факта – победоносного похода Тимура в Индию. Жестоко подавляя сопротивление и покоряя один за другим города, Тимур оставлял за собой груды мертвых тел

противника. В основе повествования повести – взаимодействие различных точек зрения в тексте при доминирующей роли одной из них. Читатель прослеживает позицию казахского хана Тимура, индийского зодчего и поэта Гияса. При этом доминирующей становится точка зрения поэта Гияса. Образ жестокого завоевателя предстает с позиции и через восприятие поэта, избранного придворным летописцем за безукоризненное знание Корана и талант писателя-стихотворца.

Структура повествования пронизана диалогичностью и множественностью точек зрения персонажей и «голосов», при этом «точка зрения» и «голос» – не синонимы в произведении. Точка зрения в повести выступает практической жизненной ориентацией героев, с которой связаны описываемые события. Голос, напротив, относится к речи или другим явным средствам, через которые персонажи и события представляются аудитории. В этом контексте мы видим три точки зрения на происходящие в повести события. Казахский хан Тимур, прозванный в народе железный Хромец, грезит о завоевании мира. Он твердо убежден в выбранном пути, поэтому его точка зрения на происходящие события однозначна: полководец не испытывает ни сострадания, ни сочувствия. Внутренняя речь персонажа наполнена уверенностью и гордыней. Аукториальный повествователь вводит в ткань произведения голос Тимура в форме третьего лица: «Пока Тимур медленно двигался к мечети во главе внушительной свиты, его лицо светилось надменным удовлетворением: давняя мечта исполнилась, он едет по улицам Дели! Сказочный город лежит перед ним покоренный и почти бездыханный... Но вдруг брови Тимура сдвинулись, предвещая близкую грозу. Свита, привыкшая читать по его чертам как в открытой книге, догадалась о причине неудовольствия: никто не выглядывал из домов и не толкался на улицах! Великий эмир привык, что его появление всюду вызывает жадный интерес. К тому же он обещал сохранить делийцам жизнь – это ли не великодушие, достойное вечной благодарности? Он поступил так вопреки своему первоначальному намерению, снизошел к просьбам – и что же? Где приветственные клики, где ошачливленный им люд? Немые вымершие дома. Пустая мечеть. Разве не должны стоять перед ним на коленях, валяться в пыли и прахе, все, все – и древние старцы, и едва научившиеся ползать младенцы?!» [8, с. 153]. Вопросительные предложения усиливают точку зрения Тимура, обнажая жестокость его натуры. Полные, распространенные предложения соответствуют высокому статусу героя. Однако повествование от третьего лица прослеживает авторскую позицию: М. Скакбаев не приемлет жизненные убеждения своего героя.

Хан Тимур, возмущенный несломленным духом покоренных народов, повелевает соорудить пирамиду из человеческих голов. Голос индийского зодчего звучит как проклятие правителю: «Я заставлю их вечно жить и посылать вам нескончаемые проклятия» [8, с. 170]. Глаголы «заставлю» и «посылать» выступают в повести протестом против завоевательной политики правителя. Зодчий строит пирамиду не в знак покорности, а, скорее, в знак выражения ненависти и отвращения к злодеяниям Тимура.

В повести голос индийского зодчего представлен во внешней речи персонажа. При этом он не вступает в диалоги и не произносит пространные монологи. Короткие фразы, побудительные предложения, глаголы будущего времени, глаголы-инфинитивы во внешней речи индийского зодчего выступают оценкой злодеяний Тимура и мстью зодчего одновременно. Описание пирамиды из человеческих голов, как символа зла и жестокости, заявляет о непокорности индийского архитектора. В повести читаем: «...голова не свалены как попало, а пригнаны плотно, одна к другой, составляя все вместе жуткое строение, похожее на некую безумную мозаику. Чем выше вздымался конус, тем менее различались черты искаженных лиц. Они застыли в ужасном безмолвии; верхние уперлись подбородками в темя нижних. Выпученные глаза, остекленелые взоры, вывалившиеся в зловещем веселье языки...

...Несчастный поэт затрясся... Мертвая голова, которая находилась прямо против него, действительно приготовилась плюнуть. ... Гияс понял, почему все мертвые головы обращены лицами лишь в одну сторону – вслед полчищам Тимура. Так вот какова месть зодчего!

...Гора бессердечия развалилась, и все ожившие головы запрыгали по сухой земле. Словно гонимые раскаленным ветром, они катятся, катятся, нагоняют его...» [8, с. 170]. Повествование в произведении проходит сквозь призму мыслей, чувств, ощущений поэта. Ему хан поручил вести «славную» летопись походов и завоеваний. Внутренняя речь Гияса прослеживает духовный рост героя от придворного поэта до философа, разочаровавшегося в правителе и понявшего бессмысленность его завоеваний. Точка зрения Гияса становится доминирующей в повести, с ней связаны все описываемые события в тексте, она является идеологической ситуацией, с одной стороны, и жизненной ориентацией автора, с другой. Первоначальное состояние героя, где он любопытно впитывает в себя законы военного времени, получает щедрые трофеи, сменяется сомнениями и неприятием. Все чаще внутренний голос поэта ищет ответы на вопросы, которые постоянно мучают его: «Кого хочет напугать Тимур? Перебитых или пленных им жителей Дели? Младенцев, которые надрываются в бесплодном плаче среди развалин, как брошенные на произвол судьбы слепые щенята? ... Городскую бедноту, и без того забившуюся от ужаса в какие-нибудь жалкие щели? Или таким примером безудержной жестокости он намерен предостеречь собственных аламанов, если бы им явилась вдруг безумная мысль выйти из повиновения?..» [8, с. 162]. «Постепенно Гияс становится все более задумчивым, сосредоточенным в своем внутреннем мире героем, который начинает ясно осознавать противоречивость поступков и самой природы всемогущего эмира. Выполняя с огромным трудом пожелание повелителя, он испытывает всякий раз «внутреннее содрогание, словно каждое слово было крупинкой соли на его открытую рану» [8, с. 170]. Специфической особенностью художественного текста является то, что Гияс не ведет диалогов. Все его мысли и переживания выражены через внутреннюю речь: она становится ведущей в повествовании. Мировосприятие поэта доминирует и является не только движущей силой сюжета повести, но и оценочной характеристикой всех персонажей произведения. С каждым боем, походом или решением хана Гияс открывает для себя новые черты характера Тимура, понимая, что правитель с каждой победой наслаждается своей жестокостью и унижением завоеванных стран: «Поэт Гияс понял требование Тимура. ... Ему нужен был вовсе не этот неизвестный старец, согнувшийся в рабской послушности. Он жаждал покорности и унижения от недавно еще сильного врага. Перед ним должна пасть ниц венценосная особа!» [8, с. 152]. Внутренняя речь Гияса прослеживает динамику мировосприятия и мировоззрения героя. Чем больше поэт видит бессердечность хана, тем сложнее ему писать поэтическую летопись походов Тимура. Не случайно, в финале повести Гияс бросает все и бежит от правителя: «В безумном испуге Гияс все хлестал и хлестал коня. От сумасшедшего бега лошади, от тугих струй встречного воздуха ему уже не хватало дыхания. Казалось, сама душа бьется в горле, готовясь покинуть брненное тело. Когда загнанный конь упал, он вскочил на ноги и кинулся без дороги, неведомо куда, затыкая ладонями уши...» [8, с. 170]. Многоточие в финале свидетельствует о незавершенности повествования, где герой остается на пути к гибели или спасению. Это должен решить читатель, погружившись в сложную полифонию голосов произведения.

Выводы

В казахских исторических повестях 60-80-х годов XX века ассоциации движут ход событий, прошлое всплывает в сознании Жонеута или Чингисхана по ассоциации с настоящим, как внутреннее, связанное с ним. Одной из особенностей писательского стиля Абиша Кекильбаева и Марала Скакбаева является и то, что зачастую переход в плоскость сознания

того или иного персонажа происходит без авторского предупреждения. Писателю важен, прежде всего, процесс раскрытия психологии жестокого воина Жонеута, грозного Чингисхана, размышляющего поэта Гияса. На это работает все в произведении: внутренняя речь главных героев, полифония голосов персонажей повести, сложное психологическое состояние, которое ищет адекватного воплощения, множественность точек зрения. Внутренняя речь Жонеута или Чингисхана в повестях А. Кекильбаева «Баллады забытых лет» и «Хатынгольская баллада» обрывочна, порой нелогична, психологически нагружена. Особый синтаксис внутренней речи, а именно фрагментарность, отрывочность, опускание слов, инверсии ведут к сокращенности внутренней речи.

Внутренняя речь Гияса в повести М. Скакбаева «Поэт хромого Тимура» полная, побудительная, динамичная, психологически нагружена. Казахские писатели находят воплощение внутренней речи персонажей в ритме, экспрессивности речи, инверсии, повторах, уподоблении и сравнении, символах, глаголах побудительного наклонения. А. Кекильбаев и М. Скакбаев обращаются к внутренней речи как наиболее выразительной форме изображения психологии героя, что свидетельствует о значительном обновлении казахской литературы 60-80-х гг. и качественно новом уровне художественности. Внутренняя речь в изученных произведениях свидетельствует о преобладании смысла над словом. Казахские писатели используют внутреннюю речь для более убедительного воплощения не только идеи произведения, но и как средство раскрытия образа персонажа. И это позволяет утверждать, что казахская литература выравнивается с мировым литературным процессом, сохраняя при этом национальные черты.

В повестях А. Кекильбаева «Баллады забытых лет» и «Хатынгольская баллада», М. Скакбаева «Поэт хромого Тимура» внутренняя речь явилась также и основным способом познания индивидуальности. Психологическое состояние персонажа становится центром и координатором всей фабулы повести, поэтому важным для понимания конфликта является исследование поэтического видения мира через сознание героя. Проблемы общечеловеческие преломляются в сознании персонажей, раскрывая их внутренний мир и отношение к происходящим событиям. Это, по нашему мнению, свидетельствует о новом качественном сдвиге казахской прозы 60-80-х гг. XX века и ее уверенном вхождении в мировую литературу.

Таким образом, внутренняя речь в казахской исторической повести 60-80-х годов является основным способом познания смысла произведения, который реализуется в системе психологического, литературоведческого и лингвистического аспектов. Внутренняя речь выступает основным средством создания образа персонажа, раскрывая процесс переживаний и размышлений героя, мысли и чувства которого не находят выражения во внешней речи. Внутренняя речь играет значительную роль в развитии сюжета, проявляясь в напряженные моменты жизни и переживаний героя, что дает нам основание считать внутреннюю речь многоаспектным явлением.

ЛИТЕРАТУРА

1. Артюшков И.В. Внутренняя речь и ее изображение в художественной литературе (на материале романов Ф. Достоевского и Л.Н. Толстого). Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филол. наук. – М., 2004. – 48 с.
2. Валгина Н.С. Теория текста. – Москва: Логос, 2003. – 173 с.
3. Выготский Л.С. Мышление и речь. – СПб.: Питер, 2017. – 432 с.
4. Исмакова А.С. Казахская художественная проза. – Алматы: Наука, 1983. – С. 394.
5. Кекильбаев А. Баллады забытых лет. – Москва: Известия, 1979. – 446 с.
6. Кекильбаев А. Хатынгольская баллада // Кекильбаев А. – Москва: Известия, 1979. – 446 с.
7. Сидоров Е. В поисках истины. Статьи и диалоги о литературе. – Алма-Ата: Жазушы, 1983. – С. 303.
8. Скакбаев М. Поэт хромого Тимура // Караван выходит на рассвете. Казахские исторические повести. – Алма-Ата: Жазушы, 1989. – 432 с.
9. Norbert Wiley. Inner Speech and the Dialogical Self. – Urbana: Temple University Press, 2017. – p. 212.

Zhamankozova Arilana Tulendievna

The Euroasian national university of L.N. Gumilev, Republic of Kazakhstan, Astana
E-mail: arilana70@mail.ru

Phenomenon of the internal speech in the Kazakh historical story

Abstract. In article the phenomenon of the internal speech as a tool for an image of the character in historical stories Abish Kekilbayev is considered and Skakbayeva Soiled. The idea that in the internal speech dominating is a prevalence of sense of the word over its value locates. The author investigates polyphony of voices, an internal subject of work, a psychological state of the character, plurality of the points of view, refraction of universal problems in consciousness of the hero. Research of poetic vision of the world through a prism of consciousness of the character becomes the leading tool for an artistic image.

Keywords: internal speech; sense; polyphony of voices; internal subject; character; psychological state

REFERENCES

1. Artyushkov I.V. (2004). Vnutrennyaya rech' i ee izobrazhenie v khudozhestvennoy literature (na materiale romanov F. Dostoevskogo i L.N. Tolstogo). [*Internal speech and its image in fiction (on the material of the novels of F. Dostoevsky and L.N. Tolstoy).*] Moscow, p. 48.
2. Valgina N.S. (2003). Teoriya teksta. [*Text theory.*] Moscow: Logos, p. 173.
3. Vygotskiy L.S. (2017). Myshlenie i rech'. [*Thinking and speaking.*] Saint Petersburg: Peter, p. 432.
4. Ismakova A.S. (1983). Kazakhskaya khudozhestvennaya proza. [*Kazakh art prose.*] Almaty: Science, p. 394.
5. Kekil'baev A. (1979). Ballady zabytykh let. [*Ballads of Forgotten Years.*] Moscow: Izvestia, p. 446.
6. Kekil'baev A. (1979). Khatyngol'skaya ballada. [*Khatyngol ballad.*] Moscow: Izvestia, p. 446.
7. Sidorov E. (1983). V poiskakh istiny. Stat'i i dialogi o literature. [*In search of truth. Articles and dialogues about literature.*] Alma-Ata: Zhazushi, p. 303.
8. Skakbaev M. (1989). Poet khromogo Timura. Karavan vykhodit na rassvete. Kazakhskie istoricheskie povesti. [*The poet lame Timur. The caravan leaves at dawn. Kazakh historical tale.*] Alma-Ata: Zhazushi, p. 432.
9. Norbert Wiley (2017). *Inner Speech and the Dialogical Self*. Urbana: Temple University Press, p. 212.